

ИСТОРИЗМ

Л. Пикард

ВИКТОРИАНСКИЙ ЛОНДОН. СМЕРТЬ Перевод Н.Г. КРОТОВСКОЙ

Аннотация: Обзор различных общественных установлений викторианской эпохи, связанных со смертью. Реформы в данной области, их восприятие различными слоями общества.

Ключевые слова: филология, викторианская эпоха, смерть, ритуалы, бедные и богатые, общественные организации, публичный траур, закон о захоронениях, частные кладбища, герцог Веллингтон.

Picard L. Victorian London. The Life of a City 1840-1870. London, Weidenfeld & Nicolson, 2005.

В бедной семье — переполненные погосты — герцог Суссекс — туристические достопримечательности — склепы и катакомбы — частные кладбища — Хайгейт — Бромптон — Абни-парк — другие кладбища — столичный закон о захоронениях 1852 г. — казенные кладбища — гробы — траурная одежда — публичный траур — патентованные катафалки Шиллибира — похоронные процессии — герцог Веллингтон

«Какое бы жалкое существование ни влачили эти люди, они упорно не желали хоронить умерших при содействии прихода, ибо более всего бедняк страшится нищих похорон»¹. Согласно Энгельсу, «бедняка закапывают самым небрежным образом, как издохшую скотину»². Экономичная похоронная компания не страдала от отсутствия клиентов. «Некоторые владельцы похоронных бюро предоставляют ритуальные услуги беднякам на условии еженедельных выплат в 18 пенсов». Так как похороны взрослого стоили до 4 фунтов стерлингов — похоронить ребенка было дешевле, — страшный еженедельный долг порой выплачивался годами.

Случалось, что осиротевшая семья не могла внести даже первоначальный взнос, и тело оставалось лежать в однокомнатном доме, пока деньги не будут собраны. Сердобольные соседи иногда хоронили умершего всклад-

чину. Доктору Роджерсу, врачу в работном доме, удалось убедить приходские власти построить морг для тел, ожидавших погребения — первый в Лондоне³. Иногда неимущие вступали в похоронные общества. Многими из них «управляли отъявленные мошенники, которые, пользуясь всеобщей нерешительностью, самым беззастенчивым образом обирали бедняков»⁴.

Человек, имевший постоянную работу, обычно состоял в профсоюзе или в обществе взаимопомощи. Член одного из первых профсоюзов, Объединенного общества инженеров, с удовлетворением мог размышлять о том, что его еженедельный взнос покроет не только пособие по безработице или болезни, но и похоронные издержки на сумму до 12 фунтов. В случае смерти жены он мог рассчитывать на выплату пяти фунтов, при этом ему оставалось еще семь.

Где хоронили умерших? Лондонские погосты уже давно, после чумы 1665 г., были переполнены. В одном Сити было 88 переполненных церковных кладбищ. Многие церкви приобрели для захоронений специальные участки, но и те были заняты. В 1830-х годах великий реформатор Эдвин Чедвик описал эту жуткую ситуацию: «на пространстве, не превышающем 203 акра, плотно окруженном жилыми домами, ежегодно хоронят (плохо) 20000 взрослых и более 30000 подростков и детей»⁵. В 1843 г. ярким примером этой проблемы послужило частное кладбище близ Нью-Ривер-Хед в

³ Rogers J. Reminiscences of a Workhouse Medical Officer, ed. Rogers T. London, 1889.

⁴ Dickens Ch. 'Trading in Death', in Household Words. London, 1852.

⁵ Цитируется по Porter R. London: a Social History. London, 1994.

¹ Hollingshead J. Ragged London in 1861. London, 1861.

² Engels F. The Condition of the Working Class in England. Oxford, 1958.

Излингтоне. Оно было рассчитано на 2700 погребений, однако за 50 лет владельцы позволили похоронить там 80000 человек.

Гробы едва прикрыты землей, рабочие выкапывают их и ломают, чтобы растопить очаг в своих хижинах. Новые могилы копают, врезаясь между недавними захоронениями, по ходу дела отрубая руки, ноги и головы. Могильщик... стоит «по колено в человеческой плоти, прыгая по телам, чтобы утрамбовать их и втиснуть в землю новые тела»⁶.

Разумеется, имелось лучшее решение проблемы.

В 1833 г. на Харроу-роуд, приблизительно в двух милях к северо-западу от Паддингтона, частная похоронная компания с одобрения парламента открыла кладбище Кенсал-Грин площадью 56 акров. Там можно было достойно похоронить англикан и других протестантов, при этом 7 акров отводилось для бедных. К 1842 г. на этом хорошо спланированном кладбище с широкими аллеями имелось 6000 могил. В 1843 г. компании, владевшей кладбищем, крупно повезло. Умер герцог Суссекс, дядя королевы Виктории. Его должны были похоронить в королевском склепе в Виндзоре, но в 1837 г. герцога неприятно поразила плохая организация похорон его брата Уильяма IV; кроме того, он хотел, чтобы рядом с ним, когда придет ее час, похоронили его любовницу. Поэтому в своем завещании он указал, что хочет быть похороненным на Кенсал-Грин. Это привлекло на кладбище простой народ, который не так уж часто видел герцога при жизни. «Покойный герцог Суссекс поступил достойно, решив в равенстве смерти лежать на кладбище Кенсал-Грин и отказавшись от торжественной церемонии государственных похорон в виндзорском королевском склепе»⁷. (Герцог был на редкость прост в обращении. В своей Книге общей молитвы он написал на полях рядом с догматом Св. Афанасия: «Не верю ни единому слову»). Он женился морганатическим браком на леди Августе Марри. В 1830 г. та умерла, и тогда он женился на своей любовнице, леди Сесилии Баггин, но этот союз по закону о королевском браке не мог быть признан законным. В конце концов Виктория присвоила ей титул герцогини Инвернесс.

Герцог Веллингтон писал тогдашнему премьер-министру Пилу: «королева своим приказом могла бы отменить волю герцога быть похороненным на Кенсал-Грин... но тогда со стороны франкмасонов [с 1813 г. герцог был магистром Великой масонской ложи] и сторонников гер-

цогини Инвернесс раздались бы многочисленные жалобы на вмешательство власти в личную жизнь...»⁸, поэтому было решено выполнить нетрадиционное желание герцога. Его похороны, состоявшиеся 5 мая 1843 г., были блестяще организованы. Процессию от Кенсингтонского дворца, где он скончался, до Кенсал-Грин в трех с половиной милях оттуда возглавляли конные гвардейцы, за ними «шли четыре королевских обер-церемониймейстера в алой форме». Далее медленно двигались остальные участники процессии: четыре всадника — служащие похоронного бюро — в глубоком трауре, с черными шарфами и длинным крепом на шляпе, довольно унылая вереница из пятнадцати пустых траурных карет, запряженных восьмеркой лошадей «в черных бархатных пополах и плюмажах» и, наконец, оркестр конных гвардейцев, игравших траурные марши. За ними следовал катафалк с восьмеркой лошадей, по обе стороны от него ехали конные гвардейцы, так что зрители могли видеть только лошадей и гвардейцев в форме, но не гроб. За ними вновь гвардейцы верхом, вереница лошадей в плюмаже и траурные кареты, числом пятьдесят, вновь кавалерия и «плотный кордон полиции... успешно сдерживающий огромную толпу»⁹. В самом деле, контроль полиции был творческим и эффективным.

Достигнув Паддингтонского вокзала, процессия «двинулась довольно быстро» — возможно, к тому времени церемониймейстеры сели в карету, — и атмосфера быстро разрядилась. К тому же, жители этой части Лондона, кокни, не надеясь еще раз увидеть подобное зрелище, взяли выходной и развлекались как могли. Вокруг сновали продавцы гравюр и уличные певцы, в киосках бойко торговали прохладительными напитками, «пивом и табаком», а для более утонченных — пряниками и смородиновым вином. Наиболее предприимчивые воздвигли шаткие помосты для зрителей, но не слишком преуспели; самые бойкие из них заманивали клиентов объявлениями вроде: «Надежный помост» или «Одобрен контролером», однако публика предпочитала наблюдать за процессией с тротуара или ближайших деревьев и фонарных столбов. Сразу же после похорон продавцы мест на трибунах постарались сократить свои издержки. Они превратили помосты в танцевальные площадки, зазывая публику «повеселиться, как на ярмарке».

⁸ Raymond J. (ed.). Queen Victoria's Early Letters. London, 1963.

⁹ The Times, 5 March 1843. Список тех, кто там был лично или прислал свою карету, вероятно, был представлен репортеру людьми из Кенсингтонского дворца. Бедняге репортеру пришлось присоединиться к траурной процессии. Он оказался в кошмарном положении — для репортера, — так как должен был сообщить, что «ничего, заслуживающего внимания, не произошло».

⁶ The Times, 5 March 1843, цитируется по: Ward R. London's New River. London, 2003.

⁷ Dickens, op. cit.

Тем временем процессия достигла кладбищенских ворот, где ее ждали государственные представители и знаменитости, включая принца Альберта и кабинет министров, прибывших другим путем. Похоронная компания, наверняка, не пожалела сил, чтобы навести порядок и украсить кладбище. Часовня, «прелестное небольшое здание на вершине холма... убранное соответственно случаю... гирляндами из черной ткани», была заполнена сильными мира сего. Гроб стоял на постаменте, прямо над расположенными внизу катакомбами. Во время службы гроб постепенно, в два приема, был спущен вниз, в катакомбы — должно быть, владельцы похоронной компании ужасно переволновались, но механизм работал плавно, — и был там замурован до тех пор, пока для него не выстроит подходящий склеп. Похоронная компания, не ожидавшая такой удачи, не располагала достойным местом упокоения. Места близ англиканской часовни мгновенно поднялись в цене.

Через шесть лет за герцогом последовала его сестра, принцесса София. Успех Кенсал-Грин был гарантирован, и вскоре это кладбище стало одной из туристических достопримечательностей Лондона. Утонченный Гревилл «не был удивлен, что люди, посещающие это место и видящие его привлекательность и красоту, желают покоиться именно здесь»¹⁰. В 1858 г. учитель из Манчестера, решив «ознакомиться с Лондоном», отправился прямо на Кенсал-Грин и записал свои впечатления в дневнике: «Там похоронены герцог Суссекс и принцесса София. На кладбище множество надгробных памятников, роскошно отполированных и пр. Многие аристократы приобрели здесь место и построили склепы»¹¹. Когда у генерал-лейтенанта Пейсли 26 декабря 1844 г. умерла жена (дочь? — сестра? — «бедная Магдалена»), он, получив гроб, первым делом отправился на Кенсал-Грин и выбрал склеп «для двенадцати гробов, рядом с могилой сэра Джорджа Маттайяса Кокса» — даже после смерти нужно выбирать подходящих соседей¹².

Генерал без особого восторга прочел бы книгу, опубликованную годом ранее: «Проектирование, озеленение и содержание кладбищ», в которой ее автор Джон Клодиус Лаудон, знаменитый ландшафтный архитектор того времени, писал о «захоронении в склепах», как о «свидетельстве состоятельности или знатности, по этой причине его переняли многие лондонские торговцы». На

кладбище имелись просторные катакомбы (подземные галереи с камерами для гробов), а также склепы и места для одиночных могил. Где-то в катакомбах все еще стоят два гроба в упаковочных ящиках, в которых они прибыли из Индии в 1860-х. Сам Лаудон был похоронен на Кенсал-Грин в 1844 г. Там же была похоронена семья Брунелей — Марк Исамбард, его жена София (1849) и их сын Исамбард Кингдом (1859), — а также Джеймс Миранда Барри, главный инспектор военно-медицинской службы, который, как выяснилось после смерти, оказался женщиной¹³.

Вслед за Кенсал-Грин открылись другие частные кладбища: Норвуд (39 акров, 1837), Хайгейт (37 акров, 1839), Бромптон (39 акров, 1840), Абни-парк (32 акра, 1840), Нанхед (52 акра, 1841) и Тауэр-Хамлетс (33 акра, 1841). «Уход за новыми лондонскими кладбищами в основном хороший, [но] трудно поверить, на некоторых из них овцам позволено щипать траву». Сейчас это кажется удачной идеей, придающей кладбищу сельский вид и избавляющей садовников от трудной задачи по выкашиванию неровной почвы. Но лондонцам это не понравилось.

«Самым модным некрополем Лондона» стало Хайгейтское кладбище, принадлежавшее лондонской похоронной компании. Оно располагалось на склоне холма, спускавшегося к Суэйн-лейн, и проектировщики использовали эту особенность для создания многоярусного эффекта. В египетскую аллею, узкий наклонный коридор на глубине 12 футов, вели чугунные ворота массивной Фараоновой арки. По стенам коридора располагались чугунные двери в шестнадцать склепов, в каждом из которых стояло по двенадцать гробов на каменных постаментах. В 1878 г. склеп стоил 130 гиней (136 фунтов 10 шиллингов). Аллея вела к подземному Ливанскому кругу; там, по обе стороны кольцеобразного туннеля, располагалось двенадцать склепов, каждый на пятнадцать гробов. В центре Ливанского круга стоял великолепный ливанский кедр, который рос здесь с 1693 г.

В главной части кладбища имелось место для 30000 могил, каждая из них была рассчитана, как правило, на три гроба и стоила не меньше 2 фунтов 10 шиллингов. Для атеистов и сектантов был выделен неосвященный участок в два акра. Вдоль северной стены тянулись катакомбы,

¹⁰ Strachey L. and Fulford R. (eds.). *The Greville Memoirs*. Vol. V. London, 1938.

¹¹ Неопубликованный дневник. Patterson J. A. 1858, Wellcome Institute MS 73537. Упоминается в Creaton H. *Unpublished London Diaries*. London, 2003.

¹² Неопубликованный дневник. Pasley Lt.-Gen.. *British Library Add. MS 41991*. Упоминается в Creaton H. *Unpublished London Diaries*. London, 2003.

¹³ Здесь, как и в других местах, я с благодарностью воспользовалась *The London Encyclopaedia*, ed. Weinreb B. and Hibbert Ch. London, 1983, из которой я почерпнула информацию о других лондонских кладбищах, упомянутых ниже. В этой книге дан последовательная, порой печальная, история кладбищ: рассказ о забвении долга и вандализме, который властям иногда удавалось остановить, а в случае с Хайгейтским кладбищем это удалось сделать согласованными усилиями группы граждан.

мрачная подземная галерея, в которой находилось 840 ниш. Их можно было купить за 10 фунтов стерлингов или снять на время, чтобы впоследствии подыскать для гроба другое место. К 1854 г. это начинание оказалось таким успешным, что похоронная компания решила расширить кладбище в единственно возможном направлении — купив еще 19 акров на другой стороне Суэйн-лейн. Обе часовни на старой территории использовались также при похоронах на новой, однако Суэйн-лейн была людной улицей, и таскать гроб через забитую транспортом дорогу было немислимо. Это могло не понравиться родственникам.

В результате было принято типично викторианское по использованию новой технологии решение: в часовне установили постамент, на котором гроб опускался с помощью гидравлики в подвал, перевозился по туннелю, проложенному под Суэйн-лейн, и появлялся на другой стороне. Первой испробовала оригинальное устройство Элизабет Джексон, похороненная на участке в 2 фута 6 дюймов шириной, 6 футов 6 дюймов длиной и 10 футов глубиной, за который ее семья заплатила три гинеи (3 фунта 3 шиллинга). Позже туда же поместили четыре гроба, причем последний неизбежно оказался ненамного ниже уровня земли.

Более известными клиентами кладбища были Джордж Вомуэлл, хозяин бродячего зверинца, скончавшийся в 1850 г., и Том Сейерз, последний профессиональный боксер, дравшийся без перчаток, он умер в 1865. Там же был похоронен другой знаменитый спортсмен, Ф. Лиллиуайт, известный игрок в крикет, изобретатель круговой подачи. В 1862 г. там же похоронили Лиззи Сиддал, жену Данте Габриэля Россетти. В приступе горя он положил к ней в гроб рукопись своих стихов, но по зрелом размышлении захотел получить их назад, в 1869 г. гроб открыли и книгу благополучно извлекли на свет. Стоимость работы составила две гинеи.

Бромптонское кладбище было открыто в 1840 г. Западно-лондонской и Вестминстерской похоронной компанией, надеявшейся превзойти успех Кенсал-Грин. Но у компании возникли финансовые трудности, и в 1852 г. кладбище было выкуплено министерством здравоохранения и стало первым лондонским казенным кладбищем. Там в 1863 г. был похоронен основатель больницы Чаринг-кросс доктор Беннджамин Голдинг, а два года спустя — архитектор Альберт-холла Фрэнсис Фаук.

Кладбище Абни-парк на Стамфорд-хилле в Сток-Ньюингтоне было открыто в 1840 г., когда Банхилл-филдс, «которое столько лет было кладбищем для нонконформистов всех классов», заполнилось до предела. Джон Лоддидж, один из акционеров похоронной компании Абни-парк, владевший большим питомником и дендрарием неподалеку от Хакни, решил, воспользовавшись случаем, сделать рекламу своему

бизнесу. «Упомянутый дендрарий был устроен господами Лоддидж, там имеются все выносливые деревья и кустарники тех сортов и видов, которые были в его коллекции год назад... в летний сезон будут высажены неприхотливые сорта рододендронов, азалий и роз из коллекции господ Лоддидж, а также... далии, герани, фуксии, петунии, вербена и т.д.»¹⁴. В мае, к моменту открытия кладбища, по краям извилистых тропинок было высажено 2000 деревьев и кустарников, а магнолии и рододендроны должны были появиться осенью. Не считая собственного дендрария Лоддиджа, это была самая большая коллекция деревьев в Англии. Этот прелестный уголок был абсолютно не похож на отвратительные кладбища в центре Лондона, однако Лаудон решил, что кладбище выглядит как «место увеселений», и не одобрил нововведений, хотя не мог не отметить, что «публике это нравится». Здесь можно заподозрить профессиональную зависть. Подробный и захватывающий «Перечень деревьев, кустов и вечнозеленых растений для кладбищ и погостов» рекомендует питомник в Фулеме, а не питомник Лоддиджа.

Кладбище Нанхед было другим проектом Лондонской похоронной компании. Оно известно как «Кладбище Всех Святых» В 1851 г. там был воздвигнут монумент пяти «шотландским мученикам», сосланным на каторгу в 1793 г. за попытку реформировать парламент. На нем выбита надпись: «опыт всех времен должен научить наших правителей, что преследование бессильно против убеждений» — цитата из последнего слова одного из «мучеников».

Кладбище Тауэр-Хамлетс было открыто в 1841 г. лондонским Сити и похоронной компанией Тауэр-Хамлетс. Его освятил епископ Лондона, и в тот же день там состоялись первые похороны. Вскоре оно разрослось и стало зеленым пристанищем лондонского Ист-энда.

Кладбище Уэст-Норвуд площадью в 40 акров было основано в 1837 г. на месте отдаленной деревушки. Из знаменитостей там похоронены сэр Уильям Кьюбитт (1861), миссис Битон (1865) и доктор Уильям Марзден (1867), основатель Королевской бесплатной больницы и Королевской больницы Марзден.

В 1854 г. лондонская похоронная компания открыла кладбище в Бруквуде, предложив своим клиентам «ежедневный похоронный экспресс туда и обратно». Доставка гроба по юго-восточной железной дороге от станции Некрополь, неподалеку от моста Ватерлоо, стоила 2 шиллинга 6 пенсов.

В 1852 г. парламент принял Столичный закон о захоронениях, уполномочив местные власти открывать

¹⁴ Loudon J.C. On the laying Out, Planting and Managing of Cemeteries. London, 1843.

новые кладбища при нехватке существующих или опасности старых кладбищ для здоровья. Через четыре года власти Сити открыли кладбище в Илфорде, Эссекс, не только для всех новых захоронений, но и для оставшихся в снесенных церквях и на погостах, превращенных в публичные парки. Приобретение 200 акров земли косвенным образом способствовало сохранению лесных угодий Эппинг-Форест для общественного пользования. Другие местные власти, включая приходы Сент-Панкрас, Излингтон, Камберуэлл, Гринвич, Тоттнем и Вулидж, также открыли кладбища. Может показаться, что запросы лондонских мертвецов были удовлетворены, но это не так. Ситуация улучшилась только с введением кремации, не раньше 1880-х гг.

***

Книга Лаудона о кладбищах была предельно приземленной¹⁵. Она начиналась так: «Главная цель захоронения — размещение останков таким образом, чтобы их разложение... не причиняло ущерба живым». Лучше всего этим требованиям, — советовал он, — отвечает захоронение в одиночной могиле глубиной 5-6 футов. Квакеры и евреи опускают в могилу только один гроб, который никогда не тревожат. Но в большинстве крупных городов могилы роют глубже и помещают друг на друга до двенадцати гробов, а в случае с бедняками все пятнадцать. Лаудон едко пишет о жалких семи акрах, выделенных владельцами Кенсал-Грин для захоронения бедняков из семи лондонских приходов, «число их ежегодно превышает 1000 человек... можно подумать, что бедняков считают животными, принадлежащими к другому виду». По поводу гробов он предупреждает, что свинцовые гробы вроде того, что приобрел генерал-лейтенант Пейсли, никогда не бывают абсолютно водо- и воздухонепроницаемыми. Случается, что «тучное тело готово взорвать гроб еще до того, как его вынесут из дома... как известно, в катакомбах новых лондонских кладбищ имело место несколько взрывов», распространивших такой ужасный запах, что «могильщиков пришлось непрерывно потчевать ромом». Кости сохраняются веками, но через восемь-девять недель после погребения плоть, как он деликатно высказался, «становится непригодной к вскрытию». Полезно покрывать каждый гроб свинцовой или каменной плитой, чтобы предотвратить повреждения от следующих захоронений в ту же могилу (и, могу предположить, затруднить работу расхитителям могил, пришедшим до истечения восьми-девяти недель).

Традиционно для изготовления гробов применялся вяз, древесина которого лучше противостоит влаге.

¹⁵ Настолько приземленной, что некоторые читатели предпочли бы пропустить этот отрывок.

Гробы из вяза обычно покрывались черным или цветным бархатом или фетром, который крепился гвоздями с медными головками. «Привычным уличным шумом тех дней был стук молотка гробовщика»¹⁶. В 1860-х, когда мебель в доме начала сверкать французской полировкой, вяз уступил место дубу и на кладбище: новый мебельный лак на вязе не держался. Бальзамирование применялось редко. Обычно умерших клали в гроб, завернув в саван или простыню, но изредка хоронили в обычной одежде, особенно невест, которых оставляли в подвенечных платьях. Иногда вместе с телом в гроб клали трогательные сувениры, как в случае со стихами Данте Габриэля Россетти, которые он позже вернул, или любимых сапог, фуражки и кителя генерала Чесни, заботливо уложенных в гроб его второй жены Эверильды, скончавшейся в 1841 г.

***

Не все имели возможность мгновенно облачиться в траур с головы до ног, хотя, возможно, многие имели что-нибудь на этот случай в своем гардеробе¹⁷. Ханна Калвик, когда умерла ее тетка, была «служанкой за все». Работавшая там же горничная дала ей старое черное платье, и Ханна потратила 15 шиллингов 9 пенсов на черную с белым шаль и девять шиллингов на фланель — в этом контексте, вероятно, черную — для двух юбок. Для тяжело трудившейся и практичной Ханны выбросить 25 шиллингов из годовой зарплаты в шестнадцать фунтов было нешуточным делом, но пренебречь трауром было нельзя. Если говорить о среднем классе, то «в настоящее время наши останки должны быть тщательно приутовлены, наши одеяния — соответствовать образцу, а наша власница должна быть высшего качества»¹⁸. В 1842 г. красильщики Лаш и Кук дали такое объявление: «Мы красим в черный ежедневно, в случае необходимости специальные заказы на траур выполняются за сутки. Пожалуйста, учтите: только перья высокого качества после окраски в черный выглядят хорошо»¹⁹. Так что носить боа из перьев, когда вы в трауре, не самая удачная идея.

Прочное, но выцветшее черное платье можно было обновить дома: «добавьте в пинту кипящей воды 2/3

¹⁶ Bennett A.R. London and Londoners in 1850s and 60s. London, 1924.

¹⁷ Когда умер отец нынешней королевы, Елизавета с мужем были в Кении. Она прибыла в Хитроу в трауре, который, вероятно, находился в королевском гардеробе на всякий случай.

¹⁸ Mayhew H. (ed.). The Snops and Companies of London. London, 1865.

¹⁹ Aldburgham A. Shops and Shopping 1800-1914. London, 1981.

пинты бычьей желчи»²⁰. Настоящим сокровищем был магазин траурной одежды Джея на Риджент-стрит²¹. Там даже продавали запатентованный безразмерный корсаж... на случай внезапной утраты... когда срочно требуется готовое элегантное платье»²². В ожидании подходящего костюма можно было послать за безразмерным корсажем и готовой черной юбкой горничную. «Черный» магазин Питера Робинсона (названный так, чтобы не путать с другим, также расположенным на Риджент-стрит) «делает выгодное предложение для знати и высокопоставленных семей [крупным шрифтом], а также [гораздо более мелким] людям с ограниченными средствами... самый широкий выбор готовых изделий. Отобранный товар бесплатно отправляется в любую часть Англии»²³.

Благодаря новой телеграфной системе и железнодорожным перевозкам, людям, нуждавшимся в трауре, не приходилось долго ждать; к тому же, услужливый мистер Робинсон всегда имел наготове экипаж с двумя портными, готовыми продемонстрировать безутешной леди последние новинки траурной моды и снять мерки для новых траурных нарядов. Чтобы соседи не сочли подобные приготовления неуместными, кучер и портные были благопристойно одеты в черное.

Безутешная леди, обеспокоенная тонкостями модного траура, нуждалась в помощи. В 1844 г. леди отправилась в магазин — это мог быть магазин Джея, но рассказ о ее визите не слишком заслуживает доверия. Имела место следующая беседа:

Леди: Я бы хотела, сэр, взглянуть на траурные вещи.

Продавец: Разумеется... Насколько глубокий траур вам бы хотелось, мэм? Что-нибудь душераздирающее?... У нас есть последние новинки с континента. Вот, мэм, недавно поступил, вдовий шелк — чувствуете? — напоминает муар, в соответствии с чувствами. Он называется «безутешный» и очень моден в Париже для траура по супругу. Еще у нас есть несколько совершенно новых тканей, отвечающих потребности страдать по моде.

Леди: Все во французском стиле?

Продавец: Конечно... Конечно, мэм. Непревзойденно мрачные. Вот, к примеру, ткань для глубокого отчаяния. Черный креп — придает женщине меланхолический вид и делает ее интересной... Или вы предпочли бы бархат, мэм?

Леди: Это уместно, сэр, когда ты в трауре, носить бархат?

Продавец: Абсолютно! Клянусь. Он только входит в моду. Вот великолепный отрез — настоящий генуэзский бархат — глубокого черного цвета. Мы называем его «роскошная скорбь»... всего 18 шиллингов за ярд, высшего качества... короче, годится для самого изысканного горя.

Леди: А что-нибудь на смену, сэр? Наверно, у вас есть большой выбор полутраура?

Продавец: О, бесконечный! Самый большой ассортимент в городе. Полный траур, полутраур, траур на четверть, на восьмушку, намек на траур, так сказать, вроде рисунка тушью — от неприкрытого горя до тончайших оттенков сожаления»²⁴.

Публичной демонстрации горя требовал не только траур по членам семьи. Когда в 1861 г. умерла королева-мать, двор облачился в траур на шесть недель; от широкой публики ожидали трехнедельного траура. «Это достаточно долго, так как может сильно пострадать торговля»²⁵. Когда через полгода, 14 декабря, умер принц Альберт, Сити затопила черная волна. Для скромного клерка казначейства с женой и пятью дочерьми это было тяжким финансовым испытанием. Целую неделю все магазины Лондона завешивали витрины траурными полотнищами, и в заведениях драпировщиков, модисток, портных и галантерейщиков ничего нельзя было разглядеть, кроме черного»²⁶. На беду торговцев траур был объявлен незадолго до Рождества. 23 декабря, в день похорон принца Альберта в Виндзоре, почти все лондонские магазины были закрыты. На следующий день их владельцам удалось хоть немного сократить убытки. Церкви в день похорон были «задрапированы в черное», однако на следующий день траур был снят и заменен нарядными рождественскими украшениями»²⁷.

***

²⁰ The Magazine of Domestic Economy, 1844.

²¹ Век спустя, когда мне как практиканту-барристеру понадобился черный костюм, я заглянула в «Джейс». К тому времени с вывески убрали слова «траурная одежда», но ее по-прежнему можно было здесь приобрести. Мне вспоминается огромный жемчужно-серый ковер, почтительные продавцы и атмосфера глубокого покоя.

²² Aldburgham, op. cit.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Неопубликованный дневник. Pugh Ch. Bodleian MS Eng. Misc. d. 472. Упомянут в Creaton, op. cit.

²⁶ Ellis S.M. (ed. and annot.). A Mid-Victorian Pepis: The Letters and Memoirs of Sir William Hardman. London, 1925.

²⁷ Неопубликованный дневник. Rogers T. Guidhall Library MS 19, 019, in Creaton, op. cit.

Добраться до кладбища было непросто, если только вы не пользовались экспрессом «Некрополь». Сеть железных дорог дотянулась до некоторых кладбищ. Часть пути можно было проехать на омнибусе, но они обычно следовали в ближайшие пригороды, а не в отдаленные районы, где располагались новые кладбища. Катафалки, запряженные лошадьми, медленно тащились к кладбищу, за ними следовали самые разнообразные средства передвижения. Время от времени лошадям нужно было отдохнуть и напиться, как и кучерам и пассажирам. Одно из кладбищ, расположенное в пяти милях от городских ворот, давало работу семидесяти могильщикам и более. По воскресеньям там обычно проходило не меньше семидесяти захоронений, а в будни не меньше сорока. В ближайшем трактире «Джолли Сандбойз» собирались извозчики, доставлявшие клиентов на кладбище. В четыре часа в воскресенье там могло скопиться пятнадцать катафалков и похоронных экипажей, запряженных парой крупных черных лошадей, не считая «оживленных групп извозчиков... со стаканами джина или оловянными кружками пива». Участники похорон «не теряли времени даром, как и возницы катафалков и те, кто нес гроб». Одни сидели в трактире, другие пили и закусывали прямо в экипажах. «Шум был такой, как в пивной на Уайткросс [Ист-энд] в субботу вечером».

Это дружеское оплакивание усопшего было несколько подпорчено патентованными катафалками мистера Шиллибира, которые «доставляли гроб и шесть скорбящих к месту захоронения» за фунт и шиллинг с одной лошадей и еще за 10 шиллингов 6 пенсов с двумя. После похорон катафалк с помощью винтового механизма складывался, место для гроба исчезало, и катафалк превращался в обычную повозку, в которой шестеро сопровождающих могли как ни в чем не бывало отправиться домой. Хотя Лаудон одобрил это нововведение, профессионалам оно не понравилось. В 1841 г. Гревилл писал о похоронах своей невестки: «Эта церемония своей суетой вызвала у меня невыносимое отвращение... распорядитель похорон бесцеремонно прервал нашу скорбь, повез нас в похоронных экипажах кружным путем через толпы любопытствующих, выставив всех нас на всеобщее обозрение»²⁸.

Когда в 1841 г. умер известный педагог Джордж Бербек, за гробом от его дома на Финсбери-сквер в Сити до кладбища Кенсал-Грин следовала тысяча человек. На похороны Тома Сейерза, последнего боксера, дравшегося без перчаток, пришло еще больше народа. Вдоль улиц, по которым несли гроб, от Камден-тауна до Кенсал-Грин, стояло 100000 человек. За катафалком, запряженным четверкой лошадей, ехал его фаэтон с его

собакой, сидевшей на месте кучера. За ними следовала странная коллекция самых разных средств передвижения, от четырехколесных экипажей до двуколок, крестьянских телег, подвод пивоваров и тележек, запряженных осликами.

Но самым впечатляющими были похороны герцога Веллингтона. Все помнили его лицо с крючковатым носом и, кажется, все его любили. В 1842 г., на концерте в Эксетер-холле, «самым замечательным было появление герцога Веллингтона... весь зал встал... раздались громкие возгласы... все приветствовали великого человека, ставшего ныне нашим кумиром»²⁹. В 1851 г., когда герцог время от времени прогуливался по Всемирной выставке, он был не менее популярен и постоянно окружен толпами народа. Он умер 14 сентября 1852 г. в замке Уолмер (Кент). Организация его похорон, в которой косвенно принимал участие принц Альберт, слишком затянулась. Его сын был «вполне естественно раздражен тем, что похороны отца постоянно откладываются»³⁰. Наконец 11 ноября тело самого прославленного старого солдата было доставлено в Лондон поездом и выставлено на неделю в Королевском госпитале в Челси для торжественного прощания.

Несмотря на отвратительную погоду, люди ждали на улице по пять часов и более, чтобы отдать великому человеку последнюю дань. Один из них записал в дневнике: «холодный дождливый день — прождал четыре часа в ужасной давке — великое зрелище, но не стоило хлопот»³¹. По меньшей мере трое были задавлены толпой. А тем временем «торговцы смертью», как назвал их Диккенс, не теряли времени даром:

Сдается третий этаж из трех комнат, с двумя окнами и хорошим видом на процессию. Условия, включая прохладительные напитки: 10 гиней. Одиночные места, включая завтрак и постель, от 15 шиллингов...

Сдаются сидячие места и окна в лучшей части Стрэнда, недалеко от банка Куттса. Окна на втором этаже по 8 фунтов каждое; третий этаж, 5 фунтов 10 шиллингов за окно; две витрины в магазине, по 7 фунтов каждая...

Сдается витрина с установленными там сидениями за 25 гиней...

Кокспер-стрит, Чаринг-Кросс... еще осталось несколько свободных мест... есть несколько мест на крыше...

²⁸ Strachey and Fulford, op. cit.

²⁹ Ibid.

³⁰ Society, Politics and Diplomacy 1820-64; Passages from the Journal of Francis W. H. Cavendish. London, 1913.

³¹ Неопубликованный дневник. Thomas Rogers in Creaton, op. cit.

Объявление для священников: на Флит-стрит зарезервированы места специально для священников при условии, что они придут в своих стихарях. ЧЕТЫРЕ ПЕРЕДНИХ МЕСТА по 1 фунту каждое; четыре места во втором ряду по 15 шиллингов каждое; четыре места в третьем ряду по 12 шиллингов 6 пенсов; четвертый ряд по 10 шиллингов [наверняка, оттуда будет плохо видно, если вообще удастся что-то разглядеть... и т.д., вплоть до шестого ряда по 5 шиллингов].

Особенно уничижительно Диккенс отзывался о «страстном желании предприимчивых торговцев выставить в своей витрине живую картину из двадцати четырех священников, сидящих в шесть рядов». Сыну местного парикмахера из Страдфилд-Сей, загородного дома герцога, улыбнулась удача: благодаря предусмотрительности отца, он смог предложить на продажу «небольшое количество ВОЛОС, которые его отец состриг с головы герцога» — что ж, так он сказал, но кто это докажет?

18 ноября гроб перевезли в собор Св. Павла, его сопровождала пышная похоронная процессия, которую сам герцог никогда бы не одобрил. За ней наблюдало полтора миллиона человек: великолепные экипажи государственных сановников и прелатов, оркестры, 83 пенсионера дома ветеранов в Челси, совершенно выбившиеся из сил, хотя они присоединились к процессии только у Чаринг-Кросса, герольды Синей мантии и Красного дракона в своих ярких средневековых одея-

ниях, вновь сановники, принц Альберт один в карете и шесть... Напряжение нарастало. Наконец появился оркестр гвардейцев и похоронная платформа. Многих, вероятно, ждало разочарование. Она была «безвкусной и неуклюжей», размером с небольшой дом, длиной в 27 футов, шириной в 10, высотой в 17 и весом в 18 тонн; ее тянули 12 ломовых лошадей. На Пэлл-Мэлл шесть колес утонуло в грязи, и все скрипучее сооружение безнадежно застряло, пока 60 крепких мужчин не сдвинули его с места.

Следующим препятствием стали ворота Темпл-Бар, там часть постройки пришлось опустить, чтобы пройти под аркой. Механизм работал исправно, но когда все сооружение прибыло к собору Св. Павла, механизм, предназначенный для того, чтобы переместить гроб на подготовленный постамент, отказал; ждать пришлось не менее часа, при этом сквозь западный вход дул пронзительный холодный ветер. В траурной процессии участвовало множество заслуженных, но лысых джентльменов. В конце концов инстинкт самосохранения взял верх, и они покрыли головы носовыми платками и даже шляпами.

Грум герцога вел за гробом его лошадь, и знаменитые сапоги были вдеты в стремена задом наперед. Толпы людей на улице молча наблюдали за процессией, многие были в слезах. При виде катафалка все почтительно приподнимали шляпы. Как заметил один из наблюдавших, казалось, что с земли взлетает и садится огромная стая птиц.

Список литературы:

1. Bennett A.R. London and Londoners in 1850s and 60s. London, 1924.
2. Dickens Ch. 'Trading in Death'. In Household Words. London, 1852.
3. Engels F. The Condition of the Working Class in England. Oxford, 1958.
4. Litten J. The English Way of Death. London, 1991.
5. Richardson J. The Annals of London. London, 2000.
6. Wilson A.N. The Victorians. London, 2002.

References (transliteration):

1. Bennett A.R. London and Londoners in 1850s and 60s. London, 1924.
2. Dickens Ch. 'Trading in Death'. In Household Words. London, 1852.
3. Engels F. The Condition of the Working Class in England. Oxford, 1958.
4. Litten J. The English Way of Death. London, 1991.
5. Richardson J. The Annals of London. London, 2000.
6. Wilson A.N. The Victorians. London, 2002.